

АНАТОМИЯ ФИЛОСОФИИ. РЕПЛИКИ

DOI: 10.31857/S023620070010037-0

©2020 М.Ф. БЫКОВА, Ю.В. СИНЕОКАЯ

ИДЕЯ ОБЪЕДИНЕННОЙ ЕВРОПЫ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

Быкова Марина Федоровна — доктор философских наук, профессор. Университет Северной Каролины, США. Главный редактор журналов *Studies in East European Thought* и *Russian Studies in Philosophy*. Почетный сотрудник Института философии РАН. Электронная почта: mfbykova@ncsu.edu

Синеокая Юлия Вадимовна — член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор РАН. Заместитель директора по научной работе, руководитель сектора истории западной философии. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240 Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Электронная почта: jvsineokaya@gmail.com

Аннотация: В 1795 году в трактате «К вечному миру» Иммануил Кант изложил свои идеи мироустройства, основанного на принципах конфедерации. Идеи Канта во многом были взяты за основу не только при создании Организации Объединенных Наций, но также и при построении федерального объединения государств на европейском континенте (известного всем Европейскому Союзу). Наряду с Кантом, о наилучшем мироустройстве, и особенно о будущем Европы, размышляли и такие мыслители как Фридрих Ницше и Александр Кожев. Дискуссия посвящена обсуждению того, как идея единой Европы формировалась в истории философской мысли и в какой степени она находит отражение в реальных процессах, происходящих в нынешнем Европейском сообществе. Собеседники обсудили концепции Канта, Ницше, Кожева и других мыслителей в свете их критики европейской культуры и размышлений

«Анатомия философии», которым я руковожу и который модерую. Сегодняшняя наша беседа проходит в рамках «Реплик», третьего этапа функционирования проекта.

Прежде, чем я передам микрофон Марине, я бы хотела подчеркнуть, что главной целью теоретиков объединения Европы во все времена было желание предложить эффективный способ прекращения кровопролитных межнациональных военных конфликтов, уносящих огромное количество жизней и мешающих культурному и цивилизационному развитию. Задача виделась в том, чтобы найти путь к мирному сосуществованию народов и государств, разработать принципы построения мира в Европе, а также всеобщего мира в глобальном масштабе.

Идея Единой Европы начала формироваться в рамках парадигмы философии Просвещения. Первые проекты объединения Европы принадлежат французским мыслителям. Идея Единой Европы начинает обсуждаться уже с XVII столетия. В мемуарах 1634 года герцога Сюлли, главы французского правительства при короле Генрихе IV, содержится проект создания «христианской республики» — конфедерации христианских народов Европы. План Сюлли получил свое развитие в «Проекте установления вечного мира в Европе» (1713) Шарля Кастеля, приближенного Людовика XIV. Кастель предлагал объединить все европейские государства, включая Россию, в один международный союз, присвоить ему статус государственного, что означало бы утрату каждым народом в отдельности права быть распорядителем судеб своих граждан, а также политической и социальной жизни своих собственных стран. Предполагалось, что этот союз будет управляться едиными законодательными и судебными органами, а взаимные права и обязанности его членов будут регулироваться общей конституцией.

Проект Шарля Кастеля вызвал интерес и одобрение у многих выдающихся мыслителей XVIII столетия, таких известных европейских Просветителей, как Лейбниц, Лессинг, Гердер и Руссо. Правда, несмотря на то что все они приветствовали идею установления вечного мира, они скептически относились к возможности практического создания европейского государственного союза. Не надеясь на реальный успех политического решения, они скорее возлагали надежды на духовную солидарность цивилизованного мира и единство экономических интересов европейских стран.

В 1761 году Жан-Жак Руссо написал сочинение «Сокращение проекта Вечного мира», представлявшее собой структурированное и концентрированное изложение идей пространного «Проекта

М.Ф. Быкова,
Ю.В. Синеокая
Идея
объединенной
Европы
в контексте
истории
философии

упоминается как великий мыслитель-метафизик, совершивший революционный переворот в философии, соразмерный коперниковскому в астрономии. (Отсюда, кстати, и несколько парадоксальное описание кантовского достижения: «*коперниковская революция в философии*».) Сам Кант, как и почти все его философские идеи, являются продуктами XVIII века. Напомню, что Кант родился в 1724 и умер в 1804 году, а его ставшие классическими «Критики» были все написаны и впервые опубликованы в самом конце XVIII века: «Критика чистого разума» в 1781 году (2-ое издание вышло в 1787), «Критика практического разума» в 1788, и «Критика способности суждения» в 1790 году. Кроме того, Кант является последним мыслителем Европейского Просвещения и многие из его идей — в таких областях как эпистемология, этика, моральная и социальная философия, философия политики, а также философское осмысление религии — в той или иной степени отражают и своеобразно подытоживают теории и концепции, выработанные Просвещением. Однако несмотря на историческую принадлежность к XVIII веку, влияние Канта не ограничивается его собственной эпохой, ибо начиная с конца XVIII века развитие всей последующей европейской философской мысли уже не представимо без Канта и, прежде всего, без его так называемой критической философии, проект которой был впервые сформулирован и детально изложен в «Критике чистого разума», являющейся не только главным сочинением философа, но и по праву считающейся одной из наиболее фундаментальных работ в истории мировой философии. Но если «Критика чистого разума» принадлежит к теоретической философии, в частности, к той ее отрасли, которую мы обычно связываем с теорией познания (или эпистемологией), то сегодня речь пойдет о практической философии Канта, или, более точно, той ее части, которая относится к политической философии мыслителя. Уникальность Канта состоит в том, что он произвел «революцию» не в какой-то одной области философского знания, а практически во всех известных к тому времени сферах философской мысли. В то время как его теоретическая философия отвечает на вопрос «Что я могу знать?» и в основном ассоциируется с метафизикой и теорией познания, его практическая философия отвечает на вопрос «Что я должен делать?», который рассматривается, прежде всего, в моральной философии, а также, по мысли Канта, тесно связанной с ней, политической философии. Кант известен своими морально-философскими идеями и учениями. Интерес к морально-философским взглядам Канта особенно значителен в России, где традиция этической и нравственно-правовой мысли исторически очень сильна и хорошо проработана [12, 13]. Наверняка вы все знакомы

М.Ф. Быкова,
Ю.В. Синеокая
Идея
объединенной
Европы
в контексте
истории
философии

Коалиции (1792–1797) и 5 апреля 1795 года Пруссия заключила сепаратный мир с революционным правительством Франции, подписав отдельно от других европейских государств так называемый Базельский мирный договор. Данный договор знаменовал собой не только начало распада первой антифранцузской коалиции, но во многом предрешил судьбу дальнейших военных действий между коалиционными государствами Европы и Франции, положив начало процессу мирного урегулирования. Многие исследователи считают именно заключение сепаратного мира между Пруссией и Республикой Францией тем непосредственным событием, которое подтолкнуло Канта к написанию «К вечному миру». Во всяком случае, уже 15 августа 1795 года Кант пишет письмо кенигсбергскому издателю и книгопродавцу Николавиусу,² предлагая опубликовать его короткое и популярно написанное сочинение о Вечном мире [29, S. 35]. Хочу обратить внимание на одну важную деталь, которая часто упускается из вида при обсуждении кантовского трактата. Его название состоит из двух частей: «К вечному миру. Философский проект.» И это не случайно.

Как уже отмечала Юлия, проекты Вечного мира, а также их критика, имели широкое распространение в эпоху Просвещения не только в Европе, но и в Новом Свете. Так, американский колонист и религиозный деятель, Уильям Пенн, уже в 1693 году опубликовал «Эссе о сегодняшнем и будущем мире Европы»,³ в котором высказал идею об организации Европейской лиги или конфедерации, причем с участием Московии и Турции. Целью данного объединения, по мысли Пенна, должно было стать обеспечение мира на Европейском континенте. Интересно, что за основу новой европейской структуры Пенн взял модель Генеральных штатов Голландской республики, образовавшейся в результате победы Нидерландской буржуазной революции XVI века и созданной по конфедеративному принципу [1, с. 115]. Известно, что Кант был осведомлен о проекте Пенна, как и о развернувшихся дебатах о Вечном мире. Однако непосредственное влияние на Канта оказали труды таких защитников и критиков проекта Вечного мира, как Лейбниц, Вольтер, Фридрих Великий, но особенно

М.Ф. Быкова,
Ю.В. Синеокая
Идея
объединенной
Европы
в контексте
истории
философии

² Именно Николавиус издал вызвавшую недовольство у прусских властей работу Канта «Религия в границах чистого разума».

³ В оригинале название труда гласит: *An Essay towards the Present and Future Peace of Europe: by the establishment of an European Dyet, Parliament or Estates*. Наряду с радикальными идеями переустройства Европы Пенн также указывал на необходимость объединения государств Нового света, но, в отличие от Европы, в Новом Свете он пропагандировал объединение колоний под эгидой христианства.

фундаментальными правами человека, эти принципы объединяют воедино все человечество и потому должны быть особенно уместны для власти пререждущих.

В отличие от проекта аббата де Сен-Пьера, который был предложен на конгрессе государств по особому случаю, кантовский проект носит чисто *философский* характер. Сформулированные им принципы не ограничены пределами одного государства или подданства, а имеют неограниченное космополитическое значение и представлены как всеобщие предписания каждого индивидуального разума. Однако было бы ошибочно интерпретировать их как некие вневременные нравственные принципы. Уникальность и одновременно значение философского проекта Канта в том, что он замыслен как неотъемлемая часть определенной *философии истории*; он обращен к определенной исторической ситуации и формулирует особую историческую задачу грядущего века. Такой задачей, по мысли Канта, является создание условий для достижения Вечного мира. Что отличает кантовский проект Вечного мира от всех предыдущих? Его рациональность (в смысле результативности) и его направленность на эффективное практическое осуществление. По мысли Канта, философский идеал может и должен быть воплощен в жизнь. Поэтому он видит свою задачу не столько в объяснении идеи Вечного мира, сколько в создании прочного мира, соответствующего идеалу разума.

В «Метафизике нравов», написанной двумя годами позже, Кант систематически разрабатывает основания, на которых «морально практический разум произносит в нас свое неотменимое veto: никакой войны не должно быть; ни войны между мной и тобой в естественном состоянии, ни войны между нами как государствами» [7, с. 44; 27, S. 354], все еще пребывающими в отношении друг к другу в естественном состоянии. На этих основаниях он заключает, что наш долг — содействовать установлению Вечного мира, достижение которого, по его мысли, составляет «всю конечную цель учения о праве в пределах одного лишь разума» [7, с. 45; 27, S. 355]. Это означает, что наша обязанность (долг) состоит также и в том, чтобы способствовать и стремиться к созданию условий для этого мира, коими является образование лиги наций. К такому заключению Кант приходит в самом конце своего «Учения о праве», однако тематическое развитие данное убеждение получает уже в трактате «К вечному миру». В этом смысле кантовская философия истории, неотъемлемой частью которой выступает учение об отношениях между государствами, есть не что иное как продолжение и расширение его учения о нравственности, одна из важнейших практических составляющих моральной философии великого мудреца. Кант развивает свой

М.Ф. Быкова,
Ю.В. Синеокая
Идея
объединенной
Европы
в контексте
истории
философии

всех ранее созданных проектов, которые были ограничены рамками христианских государств Европы, философский проект Канта является космополитическим по своим задачам и целям. Сформулированные здесь в качестве отдельных «статей» положения — это не нормы, регулирующие отношения между отдельными суверенными государствами (так называемые *jus gentium*). Они носят *космополитический* характер и выражают принципы общечеловеческого общежития, когда все люди на Земле образуют «единое универсальное сообщество», основанное на общечеловеческих «прирожденных, необходимо принадлежащих человечеству и неотчуждаемых» правах [6, с. 375, 403; 28, S. 349n, 360]; также см.: [27, S. 352–353]. Поэтому сегодня, в XXI веке, многие наши современники обратились к Канту, поскольку усмотрели в работе «К вечному миру» истоки того, что мы сегодня знаем под названием Европейское Сообщество, или Европейский Союз.

Действительно, несмотря на дух космополитизма, которым пропитан кантовский проект, он предостерегал против «слияния государств в единую державу», отнюдь не предлагая создавать так называемое «мировое государство» [6, с. 423; 28, S. 367]. Он считает, что сохранение независимых (суверенных) государств является необходимой защитой личной свободы граждан, а также способствует общественному прогрессу как в национальном, так и в глобальном масштабе. Интересно, что Кант-пацифист считает, что война как таковая, выполняет определенную позитивную функцию в истории человечества, поскольку позволяет сохранить независимость народов. Кроме того, война послужила стимулом к разностороннему развитию человеческих способностей [27, S. 119–120; см. также 7]. Однако Кант указывает, что в нынешнюю эпоху история достигла критической точки, когда положительное влияние войны подавляется или элиминируется ее разрушительными последствиями, ставя под угрозу систему общественной безопасности и сам исторический прогресс [6, с. 423–425; 28, S. 367–368]. По мысли Канта, исторический прогресс человечества сможет продолжиться только в том случае, если независимые государства объединятся в федеральный союз, основанный на торговых отношениях, отстаивающих собственные интересы каждого государства — члена союза. Это должна быть *федерация государств*, которая одновременно будет поддерживать и осуществлять тесное единство рациональных принципов путем постоянного расширения обмена между людьми и народами как внутри, так и во вне самого союза, а также способствовать появлению мировой культуры, основанной на идеалах разума и просвещения.

Следует отметить, что Кант был одним из первых мыслителей, кто точно подметил, что для установления прочного мира, а также

М.Ф. Быкова,
Ю.В. Синеокая
Идея
объединенной
Европы
в контексте
истории
философии

всего, французской, итальянской и испанской наций, опирающимся на единую армию.

Переходным политическим образованием на пути к Единой Европе и всемирной интеграции, превосходящим национальные государства и наиболее приемлемым для XX–XXI столетий, Кожев считал региональные империи — союзы родственных наций. Современное государство, по его мнению, может быть политически жизнеспособным только опираясь на имперский союз родственных наций. XXI столетие Кожев провозгласил эпохой новых империй. Европейский Союз представляет собой именно такое объединение.

Как и Кант, Кожев был убежден, что в краткосрочной перспективе единое европейское человечество, в политическом отношении, не более чем абстракция. Поэтому идея мирового интернационализма рассматривалась им как утопия. В отличие от Канта, он полагал, что переход от нации к гармоничной политической организации человечества, минуя стадию имперских объединений, невозможен.

Кожев констатировал, что этап национальной политики завершен. Ее фиаско подтвердил масштаб бойни двух мировых войн, Холокост, разработка ядерного оружия. Со второй половины XX века человечество вступило в эпоху транснациональных политических объединений — новых империй, состоящих из родственных наций. Цивилизационная близость, подчеркивал Кожев, не имеет ничего общего со смутными и неясными «расовыми» идеями. Под «духовным родством наций» Кожев понимал родство языка, единый цивилизационный фундамент, религиозную общность (прежде всего антиклерикализм европейцев), а также общую ментальность, или «духовный климат».

Но вернемся к практической программе того, как возможно обеспечить мир во всем мире, так называемый вечный мир, предложенной Кантом.

М.Ф. Быкова. Конечно, Кант не был романтиком и понимал, что идея вечного мира — это цель, к которой мы должны стремиться. Он осознавал, что в ближайшем будущем достичь вечного мира нам не удастся, во всяком случае, мира настолько прочного, что он никогда не будет нарушаться военными конфликтами. Однако он полагал, что, если все народы объединятся в своем стремлении к миру, это будет способствовать прогрессу и укреплению сотрудничества между ними, вести к мирному сосуществованию государств и наций.

В чем же состоит суть проекта Канта, или как он предлагал объединить народы, руководствуясь идеей вечного мира? Кантовский проект весьма уникален; он может быть назван

М.Ф. Быкова,
Ю.В. Синеокая
Идея
объединенной
Европы
в контексте
истории
философии

Все знакомы с примерами федеративных государств. К ним относятся Российская Федерация, Соединенные Штаты Америки, Германия и многие другие. Но что такое федеративное государство? Это форма государственного устройства, при которой части государства, именуемые субъектами федерации, являются государственными образованиями, обладающими юридически определенной политической самостоятельностью в рамках федерации. Однако субъекты федерации, хотя и имеют достаточно широкие полномочия во внутренней политике, не обладают государственным суверенитетом. И это принципиальное отличие от федеративного союза, о котором говорит Кант. То, на чем настаивает Кант, является принципиально иным и весьма оригинальным проектом с точки зрения международного права, а также выработки учения об отношениях между государствами. Модель, предложенная Кантом, — это модель международной федерации, или более точно, *федеративного союза суверенных государств*. Кант подразумевает, что федерация государств будет добровольной, и выражает надежду на то, что она вырастет во что-то более значимое, а именно, во «всеобщее государство наций» (*ein allgemeiner Völkerstaat*) [25, S. 313]. Важно подчеркнуть, что, по мысли Канта, ни федерация, ни государство наций не должно быть неким «всемирным государством», где каждое государство утрачивает свою независимость и оказывается в подчиненном положении друг к другу или к некой надстроечной структуре. Кант принципиально выступает против любого несправедливого состояния в отношениях между государствами, против господства в международных отношениях права сильного. Он высказывается за создание равноправного союза народов и настаивает на том, чтобы все члены федерации были *суверенными* государствами, объединенными в соответствии с общими принципами права. Именно такой союз, считает Кант, приближает человечество к осуществлению идеи вечного мира. Но почему?

Аргумент Канта весьма логичен. Он полагает, что война, а также обеспечение национальной безопасности государства путем военных действий, является неким историческим анахронизмом. Он отрицает, что подлинный мир между государствами может быть достигнут через систему взаимосдерживающих военных мер. Как раз наоборот, для достижения прогресса человечеству нужен стабильный и вечный мир, в котором сама идея войны будет рассматриваться как не приводящая ни к каким положительным результатам, и потому будет восприниматься как иррациональная, бессмысленная и невозможная [6, с. 355–357, 363; 28, S. 343, 345–346]. Более того, Кант утверждает, что растущая зависимость военной мощи от экономической хотя и скрытно, но

М.Ф. Быкова,
Ю.В. Синеокая
Идея
объединенной
Европы
в контексте
истории
философии

в виду не только опыт двух мировых войн в Европе, но также военных действий в Азии и на Ближнем Востоке. Сегодня, как никогда ранее, становится очевидным, что никакое государство не способно оставаться сверхсильным, базируясь лишь на высокоразвитой военной экономике. Рискну утверждать, что уроки истории продемонстрировали правоту кантовской идеи о необходимости объединения усилий суверенных государств во имя осуществления исторической миссии человечества. И в этом смысле кантовский проект Вечного мира, который основывается на федеральном союзе независимых государств, является как никогда актуальным.

Здесь мне хотелось бы акцентировать внимание на одном важном аспекте кантовской концепции федерации суверенных государств, который часто упускается из виду. Как я уже отмечала, Кант разрабатывал свой проект вечного мира как важнейший (практический) элемент учения о праве и государстве. Я не буду вдаваться в детали кантовского учения о праве, которое мастерски исследовано в работах Э.Ю. Соловьева, А.К. Судакова и ряда других отечественных кантоведов [17; 18; 19; 20]. Я остановлюсь лишь на некоторых идеях, имеющих прямое отношение к нашей теме. И прежде всего, это вопрос о правах человека, что для Канта является высшей ценностью. Кант, как известно, был одним из первых мыслителей, кто задался вопросом о правах человека в политической сфере.

Кант определяет право как внешнюю свободу, т.е. свободу, которую мы реализуем по отношению друг к другу в социуме, где мы сосуществуем с другими людьми. По мысли Канта, свобода одного человека никоим образом не должна ограничивать свободу другого. Наоборот, каждый из нас не только должен иметь возможность сполна реализовать собственную свободу, но также должен способствовать полной реализации свободы другого индивида и тем самым содействовать всеобщему прогрессу человечества. В этом смысле право (*das Recht*) для Канта — это совокупность условий, которые ограничивают произвол одного по отношению к другим посредством объективного общего закона свободы.⁵ Поэтому функция права состоит в том, чтобы регулировать внешнюю форму поведения людей по отношению друг к другу. Центральной для Канта является идея о нравственной обоснованности права [3, 21]. Суть этой идеи в том, что право призвано надежно гарантировать мораль и нравственность в социальной сфере, создавая условия для реализации свободы индивида.

Для Канта человеческая природа ассоциируется прежде всего с разумом. Разум он понимает не столько в смысле нашей

М.Ф. Быкова,
Ю.В. Синеокая
Идея
объединенной
Европы
в контексте
истории
философии

⁵ Более подробно о кантовском понятии права см.: [22, особенно S. 45–46].

и способа обеспечения их требований. Кроме того, он уделил особое внимание роли права в международных отношениях, что в наше время не вызывает особого удивления. Сегодня представляется вполне естественным, что отношения между нациями, государствами, народами должны регулироваться правовыми нормами, — с тем, чтобы избежать несправедливости в отношениях. Однако до Канта системы международного права практически не существовало, и единственным принципом в отношениях между государствами было право сильного. Кант был одним из первых, кто сформулировал идею о необходимости выработки определенных законов и принципов, которые контролировали бы соблюдение прав и обязанностей всех наций и народов, входящих в мировую федерацию, и обеспечивали бы при этом правовой порядок и правовое мироустройство, стимулируя прогрессивное развитие человечества.

Право для Канта является не просто центральным механизмом, регулирующим взаимоотношения между государствами, объединенными в федерацию, но также и гарантией вечного мира. Особое значение здесь принадлежит так называемому «праву всемирного гражданства (*Weltbürgerrecht*)», или то, что часто называют космополитическим правом.⁶ Говоря об этом виде права, Кант указывает, что «право всемирного гражданства должно быть ограничено условиями всеобщего *гостеприимства*» как «*право посещения*, принадлежащее всем людям, сознающим себя членами общества в силу права общего владения» [5, с. 276; 28, S. 357]. Данная формулировка часто вводит в заблуждение не только не умудренных философским опытом читателей трактата, но и многих исследователей. Во-первых, многих смущает факт, что Кант использует здесь такое понятие, как гостеприимство, которое часто толкуется как проявление филантропии. Конечно, это отнюдь не то, что имеет в виду Кант. Философ предупреждает, что в данном контексте гостеприимство должно быть осмыслено в качестве права [там же], а не акта филантропии или проявления добросердечия. Во-вторых, традиционное (и в большей степени, буквальное) прочтение этого высказывания состоит в том, что речь идет о возможности для людей посещать другие государства без угрозы для собственной безопасности, что и является необходимым миротворческим фактором, ибо это способствует развитию экономических, и прежде всего, торговых отношений. Несомненно, такое толкование вполне созвучно кантовской либеральной идее о том, что

М.Ф. Быкова,
Ю.В. Синеокая
Идея
объединенной
Европы
в контексте
истории
философии

⁶ Подробно о проблематике космополитического права у Канта см.: [9, с. 328–330; 10].

Таким образом, основная задача и цель реализации кантовского права всемирного гражданства состоит в обмене знаниями, а торговля и обмен товарами — это лишь одно из наиболее эффективных средств по достижению данного результата.

Таковы, в общих чертах, основные принципы и идеи кантовского проекта о Вечном мире. Его проект очень подробен, и я представила лишь несколько центральных, на мой взгляд, идей, имеющих отношение к сегодняшней дискуссии.

Если мы зададимся целью проанализировать структуру и принципы, лежащие в основе построения и функционирования Европейского Союза, то увидим много кантовских идей. Конечно, Кант вовсе не писал проект Европейского Сообщества. Как я уже подчеркивала, его непосредственной задачей была разработка наброска проекта Всеобщего мира, объяснение того, как возможен прочный мир между государствами. И он выдвигает обыденные для сегодняшнего дня идеи, такие, как необходимость заинтересованности народов и государств, соблюдение обязательств и наличие системы права, регулирующие отношения между членами федерации. Это право создает условия, безусловные для развития свобод не только на уровне отдельных индивидуумов, но наций и государств. Кант подчеркивает важность развития национальных интересов государств и аргументированно демонстрирует, что ни одна нация не может развивать свои собственные интересы, если идет война; не может вступать в экономические взаимоотношения с государствами, если существует конфронтация между странами. Ни одна нация не может быть успешной, с точки зрения прогрессивного развития, если она поработчена или находится в военной конфронтации с другими нациями: все это препятствует развитию как данной конкретной нации, так и прогрессу всего человечества.

Прочный и вечный мир для Канта — надежное основание для развития человеческой цивилизации и мировой федерации государств. Применительно к ситуации Европейского Сообщества мы видим ряд параллелей между развитием и структурой построения ЕС и кантовским проектом Вечного мира.

Ю.В. Синеокая. Спасибо большое, Марина!

Мне бы хотелось продолжить наш разговор, обратив ваше внимание на провозвестника идеи «постнигилистической» интеграции Европы конца XIX столетия — Фридриха Ницше. Его размышления о будущем Европы существенно отличаются от проекта Канта. Экономические реалии Ницше практически не занимали. Философ не был увлечен поиском ответа на вопрос о том, как возможно достижение вечного мира между народами. Отношение Ницше к войне как к жизненному событию и как явлению

М.Ф. Быкова,
Ю.В. Синеокая
Идея
объединенной
Европы
в контексте
истории
философии

и будет недвусмысленно обращена моя тайная мудрость и *gaya scienza!*» [14, с. 574].

Именно Ницше, значительно раньше своих современников, уловил на исходе XIX столетия фундаментальную траекторию европейской истории: начало перехода от национального политического порядка к глобальному. Именно он предсказал скорое превращение Европы в единый организм.

Отдавая должное силе этнического духа национальных государств, Ницше ратовал за более мощный европейский проект — единую Европу немщениа, приветствовал становление общеевропейской культуры.

Болезненное отчуждение народов, порожденное националистическим безумием, которое используют в своих интересах корыстные политики и амбициозные государственные деятели, Ницше именовал «политикой антракта», видя в ней верное свидетельство стремления Европы к объединению. Философ был убежден в катастрофичности политического курса на изоляцию и вражду национальных государств, призывал своих современников культивировать в себе нацеленную на тысячелетия вперед волю к завершению «затяжной комедии маленьких государств Европы», а также ее «династическому и демократическому многоволию».

Более чем за сто лет до начала практических шагов по формированию единого европейского пространства, незадолго до начала мировых войн, Ницше имел мужество говорить соотечественникам о необходимости избавиться от националистической близорукости и антисемитизма, не отказываясь при этом от национального самосознания, придающего конкретность универсальным нормам. В основании ницшеевского проекта единой Европы лежали два, не утративших своей значимости и сегодня, события — набирающая обороты секуляризация европейской культуры и рост национализма. Попытка Ницше сформулировать новую идею для Европы стала ответом на нигилизм, заложенный в секуляризме и этноцентризме европейской культуры.

Слова Ницше «Бог мертв» — не атеистическое утверждение, а констатация обесценивания высших ценностей метафизики и христианской религии: Бога, сверхчувственного мира, идеалов и идей, целей и оснований. Упадок веры в идеалы означает, что ментальные структуры, на которых строилось единство Европы в прошлом, утратили свою эффективность. Невозможно просто убрать религиозные ценности из согласованной человеческой культуры без разрушительных последствий. Кризис христианства привел к потере смысла. Ни вера в прогресс человеческого разума, ни наука не могут породить новые глобальные смыслы и ценности; они не могут даже постулировать смысл самих себя.

М.Ф. Быкова,
Ю.В. Синеокая
Идея
объединенной
Европы
в контексте
истории
философии

в тенденции к уравниванию людей, порождающей посредственность — поколения недалеких, благонадежных, полезных, трудолюбивых и пригодных для разнообразных целей работников, называемых Ницше «стадным животным “человек”». Такой человеческий тип провоцирует самой своей природой появление диктаторов, обладающих опаснейшими и обаятельнейшими качествами «исключительных людей». Искусно жонглируя масками, лидеры умело манипулируют мнением большинства в угоду своему эго. «Я хочу сказать, — прямо заявляет Ницше, — что демократизация Европы есть вместе с тем невольное мероприятие для выращивания тиранов — если понимать это слово во всевозможных смыслах, и также в смысле духовном» [15, с. 171].

Какова же альтернатива? Есть ли выход? Ницше честен со своими читателями, поэтому никогда не претендует на то, что у него готов рецепт для всех на все времена. Свою задачу философа он видит в предупреждении об опасности. Ницше не скрывает, что процесс становления Единой Европы суров, что придумывать утешение перед лицом грядущих катастроф — обреченный на провал трюк. И все же Ницше с упованием смотрит на послезавтрашний день. Рост свободы и отсутствие влияния предрассудков на воспитание — залог появления более высокого типа людей, именуемого Ницше «создателями ценностей», «свободными духом», или «добрыми европейцами».

Европеизация — это побуждение к глубинному опыту свободы человеческого общества без попытки зафиксировать заранее точную культурную, религиозную, классовую или национальную идентичность. Приведу объемную цитату из «Веселой науки»: «Мы, дети будущего, как *смогли бы* мы быть дома в этом настоящем! Мы неблагосклонны ко всем идеалам, с которыми можно чувствовать себя уютно даже в это ломкое, изломанное переходное время; что же до их реальностей, мы не верим в их *долговечность*... Мы, безродные, ничего не «консервируем», мы не стремимся также обратно в прошлое, мы нисколько не «либеральны», мы не работаем на «прогресс», нам вовсе не нужно затыкать уши от базарных сирен будущего, то, о чем они поют: «равные права», «свободное общество», «нет больше господ и нет рабов», не манит нас! — мы просто считаем нежелательным, чтобы на земле было основано царство справедливости и единодушия (ибо оно при всех обстоятельствах стало бы царством глубочайшей посредственности и китайщины)... мы должны чувствовать себя как на иголках в век, который горазд бахвалиться тем, что он самый человеческий, самый кроткий, самый правовой из всех бывших до сих пор под солнцем. Достаточно скверно, что как раз при этих прекрасных словах возникают у нас тем более безобразные задние мысли! Что мы видим в них лишь выражение — и маскарад — глубокого

М.Ф. Быкова,
Ю.В. Синеокая
Идея
объединенной
Европы
в контексте
истории
философии

расходится с проектом Просвещения, проектом Канта, положенным в основу продолжающегося на наших глазах процесса формирования Единой Европы. Несмотря на то, что Ницше сам был дитя Просвещения в той степени, в которой верил в прогрессивное развитие человечества вне лона религии и моральных ценностей христианства, он не разделял просвещенческое преклонение перед разумом, полагая, что человеку следует больше прислушиваться к своим чувствам, чем полагаться на логические умозаключения, и отвергал идею всеобщего равенства людей.

Что предлагает нам Ницше? Ницшевский проект Европы будущего представляет собой индивидуальную работу самосозидания. Он пишет о том, что единственно достойная возможность сохранения личности, самосовершенствования и восхождения к самому себе гарантирована только тогда, когда люди не раздираемы враждой, завистью, злобой национализма.

М.Ф. Быкова. Я хотела бы тут кое-что добавить и высказать еще некоторые соображения. Во-первых, относительно Канта. Что касается Канта, то он следует Гоббсу, считая, что в действительности естественное состояние человека и человеческого общества — это война. Речь идет о том, что в человеке превалирует животная природа, и эта дикая природа так или иначе связана с конфликтами, агрессией и военным противостоянием. В этом смысле, несомненно, стремление к Вечному миру является прогрессивным движением. И это прогрессивное движение связано с цивилизационным, или более точно, культивированным, развитием. Это движение от чисто природного, естественного состояния человека к его уже социально культивированному (окультуренному) и осмысленному существованию.⁹ Достижение Вечного мира — отнюдь не автоматический процесс. Данное состояние, так или иначе, связано с нашим сознательным выбором. И этот выбор есть ничто иное как реализация нашей автономии, не просто свободы, которой мы наделены по природе, а автономии, связанной с нашей человеческой способностью к целеполаганию, а также с нашим умением самостоятельно (и сознательно) вырабатывать нравственные принципы собственного поведения и следовать им в своих действиях.

Второе соображение относительно Канта. Не следует забывать, что Кант жил в конце XVIII века и не был знаком с восточными философскими изысканиями или источниками. И хотя он был очень

М.Ф. Быкова,
Ю.В. Синеокая
Идея
объединенной
Европы
в контексте
истории
философии

⁹ Понятие культивирования, или точнее само-культивирования, человека, которое передается немецким термином *Bildung*, играло важнейшую роль в моральной философии Канта. Более подробно о кантовской концепции *Bildung* см. [2].

мире. Всех других немецких мыслителей Ницше считает пустословами и, как бы порывая со своей национальной традицией, обращается к французам. Но если мы рассмотрим данную ситуацию в философско-историческом контексте, то становится очевидным, что именно не устраивает Ницше в современном ему немецком мышлении и культуре.

Достаточно вспомнить, что речь идет о Германии конца XIX века. Это период засилья спекулятивного абстрактного мышления, которое ассоциируется с немецким идеализмом. Период расцвета философских теорий Фихте, Шеллинга и Гегеля, каждый из которых по-своему откликается на проблемы критической философии Канта¹¹. Как известно, спекулятивная философия, хотя и не была чисто рационалистической, но, несомненно, отстаивала идеалы разума и рациональности. Ницше на дух не переносит немецкий идеализм, к коему причисляет и самого Канта, который, не являясь формально представителем этого философского течения, не только формирует его основы, но и определяет направление его развития. Ницше критичен к идеалистам не за их идеализм, а, как он сам замечает, за их «упрямый рационализм». Что здесь имеется в виду? Это недоверие и даже игнорирование эмоций, чувств [23, S. 428–437]. Здесь достаточно вспомнить Канта и его моральную философию, чтобы понять, о чем идет речь. Как известно, Кант полагал, что желания, чувства и эмоции человека являются весьма изменчивыми, и потому не могут служить основанием ни нравственного поведения, ни самой моральной философии. Моральная философия должна покоиться на твердом рациональном фундаменте, и все нравственные принципы должны быть продуктом разума, а не чувственного побуждения. Вся немецкая идеалистическая мысль есть в определенном смысле продолжение данной традиции, превозносящей разум над чувствами и толкующей разум в качестве единственного надежного средства постижения того, что есть, т.е. реальности как таковой.

Почему Ницше так восхваляет Шопенгауэра? Почему он так превозносит французскую мысль? Потому что считает, что их объединяет интерес к чувственности, к эмоциям.

Ю.В. Синеокая. К инстинкту.

М.Ф. Быкова. Да, к инстинкту в том числе. Он считает, что это самое интимное, внутреннее, что и является собственно человеческим. Одно из центральных понятий Ницше — то, что обычно по-русски передается словом «сверхчеловек» (*Übermensch*), хотя

М.Ф. Быкова,
Ю.В. Синеокая
Идея
объединенной
Европы
в контексте
истории
философии

¹¹ Подробный анализ немецкого идеализма как философской традиции и уникальной интеллектуальной эпохи представлен в [23].

Гейне и Стендаля, но еще и Наполеона. Для Ницше всех их объединяет стремление подготовить новый синтез, создать единое пространство Европы. Ницше уверен, что все они были патриотами — сынами своих отечеств лишь в минуты душевной слабости, дряхлости, когда отдыхали от самих себя. Все они для Ницше люди искусства, представители мощной и смелой породы высших людей, чужаки из будущего в своем столетии — столетии масс.

М.Ф. Быкова. Насколько я понимаю, с Наполеоном Ницше связывает его идея сверхчеловека, а также концепция воли к власти, которая является внутренним стимулом развития сильного человека и сильного характера. У Ницше целая галерея героев, в числе которых Наполеону принадлежит особое место.

Ю.В. Синеокая. Ты права, Наполеон очень притягательная фигура для Ницше, но все же он не называет Наполеона сверхчеловеком. Сверхчеловек — тот, кто обрел власть над самим собой, своим эго, чья воля может управлять негативными аффектами. Ницше не устает повторять, что сверхчеловека на земле никогда не было. Сверхчеловек — не сильная личность, не пассионарий с бьющей через край волей, сметающей все на своем пути к власти над миром, а вектор, принцип, идеал преодоления ressentimentных чувств: зависти, злобы, ненависти, нетерпимости. Наполеон зачислен Ницше только лишь в сонм «высших людей».

Упоминание о Наполеоне навело меня на новый сюжет.

Примечательно, что идея Единой Европы, зародившись в умах французов, для Ницше остается напрямую связанной именно с французской культурой. В главе «Народы и отечества» из книги «По ту сторону добра и зла», Ницше пишет о «Франции вкуса» как сосредоточии самой возвышенной и рафинированной духовной культуры Европы. Ницше выделяет три присущих французской культуре отличия, которые позволяют ему говорить о культурном превосходстве французов над остальной Европой, и отдать Франции главную роль в процессе объединения европейцев. Во-первых, он отмечает умение элегантно, эстетически безусловно выражать страсть, а также, вытекающую из присущего французам уважения к меньшинству, камерность эстетизма. Иными словами, Ницше говорит о феномене, получившим название «искусство для искусства». Во-вторых, психологизм. В любом проявлении французского искусства присутствует психологическая интрига или интересное психологическое наблюдение. Культура Франции породила психологическую изобретательность и любознательность ко всему, что касается страстей души. В-третьих, широта французской души, склонной к синтезу разнородных начал, которая не позволяет французам довольствоваться патриотизмом, то,

М.Ф. Быкова,
Ю.В. Синеокая
Идея
объединенной
Европы
в контексте
истории
философии

Кожев), выдвигали свои проекты Вечного мира и единой Европы в ответ на вызов времени. Разница в замысле проектов и в их деталях так или иначе связана с историческим периодом и конкретной жизненной ситуацией, в которой находили себя мыслители. Например, Канту, жившему в конце XVIII века в столице Пруссии, Кёнигсберге, в каком-то смысле повезло. Если мы вспомним историю, то после внезапной победы над австрийской армией в 1762 году, положившей конец семилетней войне,¹² Пруссии удалось установить статус-кво на континенте. Авторитет и ведущая роль Пруссии среди германских государств еще более выросли, что и определило создание страны на уровне Великого европейского государства. Конечно, у короля Пруссии, Фридриха II, было немало сверхдержавных амбиций, но конец его правления в основном ассоциируется с миром и процветанием государства. Хотя написание трактата «К вечному миру», как я уже отмечала, было вызвано переживаниями последствий войны, сам опыт войны не был для Канта чем-то непосредственным и нахождение путей мирного сосуществования не выступало в качестве безотлагательной задачи. Это, в принципе, выражается в самом тоне работы, весьма сдержанном, спокойном, в каком-то смысле даже назидательном. Это не столько ответ на непосредственные проблемы сегодняшнего дня, сколько некое завещание на будущее.

Проект единой Европы Ницше носит кардинально иной характер. Как известно, Ницше непосредственно испытал ужасы войны, когда служил санитаром в полевом госпитале во время Франко-пруссской войны 1870–1871 годов, что очень подорвало его здоровье и оказало на него сильное моральное и психическое воздействие. Он вдруг увидел воочию, что происходит в мире. До этого Ницше не знал ничего другого, кроме академической среды: опыт студенчества в университетах Бонна и Лейпцига, а затем блистательная карьера молодого профессора в Базельском университете в Швейцарии. И вдруг он оказывается в полевом госпитале, где ему приходится ухаживать за ранеными, и где он воочию сталкивается с человеческими страданиями. Как он писал в своем дневнике, это был для него момент прозрения. Он попал в перипетию исторических событий, вызванных пронационалистическими действиями правящих верхов Пруссии и Франции (О. Бисмарка

М.Ф. Быкова,
Ю.В. Синеокая
Идея
объединенной
Европы
в контексте
истории
философии

¹² Это событие известно в истории как *Mirakel des Hauses Brandenburg* (чудо Бранденбургского дома), как его назвал сам Фридрих II. Чудо, потому что русские и австрийские войска не смогли довести до победного конца Семилетнюю войну после победоносного разгрома прусской армии при Кунесдорфе в августе 1759 года. Бранденбургский дом – это прусская королевская династия, представителем которой был Фридрих II.

именно с наличием всеобщих прав человека, которые едины для всех живущих на Земле и которые никто и ни при каких условиях не может и не должен попирать. Кстати, Кант (наряду с Локком) был одним из тех, кто стоял у истоков современной теории прав человека, разработав философские принципы для ее обоснования (такие как идеалы равенства и моральной автономии человеческого разума). Что же касается непосредственно кантовского проекта федерации государств, то речь идет не о мировом союзе, а о более локальном или региональном объединении политически подобных государств (республик). Только значительно позже пример данного объединения должен стать столь привлекательным, что другие государства решат добровольно присоединиться к данному международному союзу, который, хотя и в отдаленной перспективе, может потенциально перерасти в глобальный союз наций.

Ю.В. Синеокая. Нам пора заканчивать первую часть нашей беседы и переходить к репликам и вопросам наших слушателей, пожалуйста.

Вопрос из зала. У меня реплика и вопрос. Идея общего мира восходит еще к библейским временам. Здесь можно упомянуть и китайскую идею срединного государства, и аналогичные идеи в других цивилизациях. Если обратиться к более современным идеологиям — национал-социализму, коммунизму, большевизму, империализму — это опять же стремление всех объединить под какую-то идею, идеологию. Но захотят ли все подчиняться одной идеологии? Есть такой исторический анекдот, что сын Чан Кайши Цзян Цзинго был в Советском Союзе и встретился с Бухариным, Зиновьевым, со многими большевиками. Он много их слушал, и, вернувшись на родину, сказал, что большевики хотят поработить весь мир, в том числе и Китай. Удивительно, насколько точно он понял суть политики большевиков, революционная трескотня его с толку не сбила. У меня вопрос: как люди будут воспринимать тех, кто хочет их, в кавычках, облагородить, цивилизовать, подаять, покорить, объединить в общем. Спасибо.

М.Ф. Быкова. Я с вами согласна, что модели единого мира, в том числе и объединения Европы, существовали и существуют в различных культурах. Однако классические модели, к коим я отношу и кантовскую, не предполагают подавление, или покорение одной нации другой. Как раз, наоборот, речь идет о добровольном вступлении в союз государств. Например, в этом как раз и состоял принцип объединения, который отстаивал Кант. Для него федерация государств должна быть объединением на добровольных началах. Подобный идеал сохраняется и в других классических моделях объединения.

Реплика из зала. В идеале — да, но фактически нет.

М.Ф. Быкова. Я не думаю, что это так. Здесь опасно все и всех обобщать. Например, если мы говорим о Европейском Сообществе,

М.Ф. Быкова,
Ю.В. Синеокая
Идея
объединенной
Европы
в контексте
истории
философии

непростое. И они во многих отношениях остаются на периферии самого союза, не являясь ведущими членами ЕС. Всем хорошо известно, что центральной силой в Европейском Союзе являются наиболее экономически развитые страны, в частности и особенно, Германия и Франция, и именно они в значительной степени определяют принципы европейской экономики и политики, дирижируя огромным оркестром по имени Евросоюз, в который сегодня входят 27 европейских государств. Но я бы не стала говорить, что нынешний Европейский Союз — это насильственным образом созданное объединение. Если же Вы имеете в виду такое объединение как федеративное государство, скажем, ушедший в историю Советский Союз, то это несколько другая организационная структура и само данное объединение было создано на совершенно иных основаниях.

Ю.В. Синеокая. Действительно, проблема объединения и функционирования объединенных государств очень сложная. Мы видим, что панацеи, идеального решения, нет. В тот момент, когда создавался Европейский Союз, шел распад СССР. Эти два разнонаправленных процесса практически совпали по времени: СССР перестал существовать в 1991-ом, а фактическое объединение европейских государств стартовало в 1992 году. Очевидно, что Ваши вопросы и подозрения применимы и в случае создания Европейского Союза, и в случае дезинтеграции Союза Советских Социалистических Республик. Проблемное поле тут не исчерпывается экономической и политической составляющими. Формирование ЕС, сопровождающееся поиском смыслового основания для объединения стран с различными культурными и национальными традициями, интеграцией ценностей, общих для европейских государств, — это вехи формирования новой единой европейской идентичности, отличной от идентичностей отдельных национальных государств. В этом Европа испытывает огромные трудности. Интеграция иммигрантов, проблемы выхода Великобритании из ЕС, основания для принятия новых членов в Европейский Союз и т.п.

Мир будет продолжать перестраиваться, перекраиваться, складываться в разные мозаики каждый раз в соответствии с какой-то определенной целью. Когда цель объединения будет реализована или сменена новой целью, смысл в существовании того или иного содружества будет уходить.

Никто не станет спорить с тем, что Европейский Союз был создан ненасильственно. Причина его создания состояла в очевидном факте: большинство европейцев было согласно в том, что любая национальная идея, направленная на изоляцию страны, обречена на самодискредитацию, следовать ей — приближаться к войне, к катастрофе. Чтобы избежать самоистребления, народам нужно

М.Ф. Быкова,
Ю.В. Синеокая
Идея
объединенной
Европы
в контексте
истории
философии

суверенитета. По мысли Канта, каждая нация, добровольно вступающая в федерацию, должна иметь возможность поддерживать свою независимость: экономическую, политическую и культурную. Это одна из центральных идей кантовского проекта. Но если вопрос о европейском гражданстве и европейской конституции выходит на передний план, и если речь идет о создании единого европейского государства (не союза, не федерации, а *единого* государства), то можно ли тогда будет говорить о политической, социальной и экономической независимости каждой нации, входящей в данное объединение? Мне представляется, что сами идеи европейской конституции и европейского гражданства противоречат принципам суверенитета и независимости. Хотя многие считают иначе. Например, по мнению Хабермаса, проблема нынешнего Евросоюза именно в том и состоит, что все социальные программы и все конституционные принципы существуют только на национальном уровне, при этом напрочь отсутствуя на союзном европейском уровне. Поэтому Хабермас считает, что создание европейской конституции является первоочередной задачей, ибо она должна защищать права и формулировать обязанности Союза и национальных государств по отношению друг к другу, и тем самым послужить тем основанием, на котором могут строиться национальные политики, национальные экономики, национальные социальные программы и т.д. Иными словами, Хабермас говорит о создании некоего надстроечного механизма (в данном случае свода законов и регуляций), который бы формулировал принципы отношений внутри европейского сообщества и выполнял объединяющую функцию, но одновременно оставлял за каждым государством — членом ЕС право решать свою собственную судьбу. По данной проблематике идут жаркие дебаты, ибо неясно насколько реализуем данный проект. И вообще остается открытым вопрос о том, что означает написать европейскую конституцию? Для кого она пишется? Представляется, что европейская конституция должна писаться для союза граждан и эти граждане должны быть европейцами. Но кто такие европейцы? Речь идет только о континентальной Европе или только о Западной? А куда отнести, скажем, британцев, которые проголосовали за Брекзит и теперь уже официально вышли из ЕС? А что делать с восточно-европейскими государствами, которые все еще не понимают своего места в Европейском Союзе? Кроме того, и это, пожалуй, самое главное, если речь идеи об объединении людей (в данном случае тех, за кем по конституции закреплялось бы право называться европейцами), то это должно быть объединение по каким-то более существенным принципам, чем только география. По-видимому, здесь должна идти речь об общей культуре, истории, языке и т.д.

М.Ф. Быкова,
Ю.В. Синеокая
Идея
объединенной
Европы
в контексте
истории
философии

обратиться к Германии, то немецкий национализм — это, прежде всего, приведшая к трагедии мирового масштаба идея об уникальности немецкой нации, так называемая идея «голубой крови». Такой национализм ведет не к конструктивным, а к деструктивным процессам, разрушающим изнутри. Другое дело патриотизм. На волне патриотизма формируются созидательные программы и могут быть достигнуты очень позитивные и далеко идущие результаты. Я бы сказала, что те процессы, которые сегодня преобладают в Германии, скорее связаны с патриотизмом и патриотическими чувствами, нежели с разрушающим национализмом. Посмотрите как бережно немцы относятся к своей культуре, к своему языку. Они подняли страну из руин после второй Мировой Войны, они отстроили восточную Германию после объединения, они отреставрировали тысячи памятников своей немецкой истории, архитектуры и культуры, и они всем этим очень гордятся.

Ю.В. Синеокая. Наше время исчерпано. Добавлю только два слова. Марина права, важно различать любовь к отечеству и национализм. Национализм способен краткосрочно мобилизовать общество, но националистический подъем взрывается изнутри. Национализм не самодостаточен, это всегда сплочение против кого-то, поиск врага во вне и внутри сообщества. Националистические идеи способны захватить массы, поскольку не требуют глубокой рефлексии, не требуют личного решения, личной ответственности, национализм обезличен, все решает общность крови. Это массовая болезнь, несущая вирус саморазрушения, лишаящая человека лица, самости. Право голоса имеет только род. Удел человека в обществе, зараженном эпидемией национализма, — раствориться до остатка. Любовь к Родине бывает лишь ответственной, зрячей, от первого лица; она предполагает наличие мужества быть самим собой, иметь свое личное мнение, как совпадающее, так и отличное от мнения людей, близких по крови.

Спасибо большое всем. Мы заканчиваем. Спасибо!

Литература

1. Андреева И. С., Гулыга А. В. У. Пенн. Трактаты о вечном мире. М.: Алетейя, 2003.
2. Быкова М.Ф. Кант и *Bildung* // Иммануил Кант: Наследие и проект. М.: Канон+, 2007. С. 123–145.
3. Быкова М.Ф. Нравственный запрет на ложь как правовая обязанность // О праве лгать. М.: РОССПЭН, 2011. С. 345–364.
4. Деррида Ж., Хабермас Ю. Наше обновление после войны: второе рождение Европы // Отечественные записки. 2003. № 6. С. 98–105.
5. Кант И. К вечному миру // Соч.: в 6 т. Т. 6. М.: Мысль, 1966.

М.Ф. Быкова,
Ю.В. Синеокая
Идея
объединенной
Европы
в контексте
истории
философии

27. *Kant I. Die Metaphysik der Sitten // Kants gesammelte Schriften: herausgegeben von der Deutschen (früher Königlichen Preußischen) Akademie der Wissenschaften. 29 Bd. Berlin und Leipzig: Walter De Gruyter. Bd. 6. S. 203–494.*

28. *Kant I. Zum ewigen Frieden // Kants gesammelte Schriften: herausgegeben von der Deutschen (früher Königlichen Preußischen) Akademie der Wissenschaften. 29 Bd. Berlin und Leipzig: Walter De Gruyter. Bd. 8. S. 341–386.*

29. *Kant I. Kants Briefwechsel // Kants gesammelte Schriften: herausgegeben von der Deutschen (früher Königlichen Preußischen) Akademie der Wissenschaften. 29 Bd. Berlin und Leipzig: Walter De Gruyter. Bd. 12.*

30. *Kant I. Vorlesungen // Kants gesammelte Schriften: herausgegeben von der Deutschen (früher Königlichen Preußischen) Akademie der Wissenschaften. 29 Bd. Berlin und Leipzig: Walter De Gruyter. Bd. 27.*

М.Ф. Быкова,
Ю.В. Синеокая
Идея
объединенной
Европы
в контексте
истории
философии

The Idea of the United Europe in the Context of the History of Philosophy

Marina F. Bykova

DSc in Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Religious Studies.

North Carolina State University, USA.

The editor-in-chief of the journals *Studies in East European Thought* and *Russian Studies in Philosophy*.

Honorary Research Associate at the RAS Institute of Philosophy.

E-mail: mfbykova@ncsu.edu

Yulia V. Sineokaya

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc in Philosophy, Professor RAS. Deputy Director for Research at the RAS Institute of Philosophy and Head of the Department of History of Western Philosophy.

RAS Institute of Philosophy.

12/1 Goncharnaya Str., Moscow 109240, Russian Federation.

E-mail: jvsineokaya@gmail.com

Abstract. In his 1795 treatise “Toward Perpetual Peace,” Immanuel Kant formulated his vision for an international world order founded on a confederation designed to facilitate peaceful international relations. Kant’s ideas influenced not only the institutional make-up of the United Nations but also of the European Union. Along with Kant, such thinkers as Friedrich Nietzsche and Alexandre Kojève considered what international structure is optimal for the future of Europe. This discussion focuses on the philosophical origin of the idea of a united Europe and explores the state of its current implementation in Europe. The article examines the concepts of Kant, Nietzsche, Kojève, and other thinkers who grew critical of European culture and asked how relations between European nations may be best structured. The authors discuss the following questions: What are the philosophical origins of the European Union? To what extent do the European Union’s current practices reflect the ideas formulated by the above philosophers? How should the concept of “European citizenship” be understood? What is

Russian. Ed. by N.V. Motroschilova, B. Tuschling.]. Vol. 5(1). Moscow: «Kanon+»: ROOI Reabilitatziya Publ., 2014. P. 723–825.

14. Nietzsche F. *Veselaya nauka* [The Gay Science], trans. from German. In: *Sobranie sochinenij*: v 13 t. [Collected Works: in 13 vol.]. Vol. 3. Moscow: Kulturnaya revolyutsiya Publ., 2014.

15. Nietzsche F. *Po tu storonu dobra i zla* [Beyond Good and Evil], trans. from German. *Sobranie sochinenij*: v 13 t. [Collected Works: in 13 vol.]. Vol. 5. Moscow: Kulturnaya revolyutsiya Publ., 2012.

16. Sineokaya Yu.V. Problema ob'edineniya Evropy v kontekste filosofii Nietzsche [The Issue of the Unification of Europe in the Context of Nietzsche's Philosophie]. *Filosofskie nauki*. 2008 (10). P. 21–36.

17. Solovyov E.Yu. *I. Kant: vzaimodopolnitel'nost' morali i prava* [The Complementarity of Morality and Right]. Moscow: Nauka Publ., 1993.

18. Solovyov E.Yu. *Kategoricheskiy imperative npravstvennosti i prava* [The Categorical Imperative of Morality and Right]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2005.

19. Sudakov A.K. *Absolutnaya npravstvennost': Etika avtonomii i bezusloyniy zakon* [The Absolute Morality: Ethics of Autonomy and the Unconditional Law]. Moscow: Editorial URSS Publ., 1998.

20. Sudakov A.K. Tzarstvo dobra i prava: Kant i Forberg o moral'noi religii [The Kingdom of the Good and the Right: Kant and Forberg about Moral Religion]. In: *Filosofiya religii: Al'manakh 2014–2015*, edited by V.K. Shokchin. Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 2015. P. 449–472.

21. Bykova M.F. On Kant's Denial of an Alleged Right to Lie and its Consequences for Moral Philosophy. *Russian Studies in Philosophy*. 2009. Vol. 48. N 3. P. 3–8.

22. Bykova M.F. Morality in Politics: The Moral Framework in Kant's Political Philosophy and Contemporary Europe. In: *Die Philosophie und Europa. Zum Kategoriengeschichte der "europaischen Einigung"*. Herausgegeben von W. Griesser. 2015. Würzburg. Königshausen & Neumann. P. 43–66.

23. Bykova M.F. (ed.). *The German Idealism Reader. Ideas, Responses and Legacy*. London: Bloomsbury Academic, 2019.

24. Caranti L. *Kant's Political Legacy: Human Rights, Peace, Progress*. Cardiff: University of Wales Press, 2017.

25. Kant I. *Kants gesammelte Schriften*: herausgegeben von der Deutschen (früher Königlich Preußischen) Akademie der Wissenschaften. 29 Bd. Berlin und Leipzig: Walter De Gruyter. Bd. 8.

26. Kant I. *Grundlegung zur Metaphysik der Sitten*. In: *Kants gesammelte Schriften*: herausgegeben von der Deutschen (früher Königlich Preußischen) Akademie der Wissenschaften. 29 Bd. Berlin und Leipzig: Walter De Gruyter. Bd. 4. S. 385–464.

27. Kant I. *Die Metaphysik der Sitten*. In: *Kants gesammelte Schriften*: herausgegeben von der Deutschen (früher Königlich Preußischen) Akademie der Wissenschaften. 29 Bd. Berlin und Leipzig: Walter De Gruyter. Bd. 6. S. 203–494.

28. Kant I. *Zum ewigen Frieden*. In: *Kants gesammelte Schriften*: herausgegeben von der Deutschen (früher Königlich Preußischen) Akademie der Wissenschaften. 29 Bd. Berlin und Leipzig: Walter De Gruyter. Bd. 8. S. 341–386.

29. Kant I. *Kants Briefwechsel*. *Kants gesammelte Schriften*: herausgegeben von der Deutschen (früher Königlich Preußischen) Akademie der Wissenschaften. 29 Bd. Berlin und Leipzig: Walter De Gruyter. Bd. 12.

30. Kant I. *Vorlesungen*. *Kants gesammelte Schriften*: herausgegeben von der Deutschen (früher Königlich Preußischen) Akademie der Wissenschaften. 29 Bd. Berlin und Leipzig: Walter De Gruyter. Bd. 27.

М.Ф. Быкова,
Ю.В. Синеокая
Идея
объединенной
Европы
в контексте
истории
философии